

Чилийская хунта с сибирским акцентом

Вера Долженкова: 10 вопросов самой себе

1. Журналистика — это...

— У меня часто вызывают улыбку философствования на эту тему, особенно очень молодых или очень опытных коллег. Размышления о смысле жизни, о служении обществу, о борьбе за справедливость... У каждого разумного человека: учителя, тракториста, врача, юриста (а официально в России зарегистрировано без малого 450 профессий) — в жизни одна цель — самовыразиться, получив от этого удовлетворение во всех возможных смыслах.

Общественный интерес к собственной персоне, благодарность, деньги. У кого-то цель самовыражения — вызов обществу, раздражение окружающих, даже злость...

Для меня самовыражение, то есть журналистика — это стремление показать другим то, что по каким-то причинам они не видят или не хотят видеть, это возможность повлиять на ход событий.

2. Почему Вы пошли в журналистику?

— Осенью 1973 года в далеком государстве Чили случился военный переворот под интригующим названием «хунта». Я, старшеклассница-активистка, политинформатор, каждую пятницу по 15 минут делала обзоры газет и рассказывала пятиклашкам о политической обстановке в мире.

Сначала общественное поручение было именно поручением. Но в какой-то момент во мне проснулся интерес.

Те, кто писал в газетах, вещал по радио о происходящем в Чили, стали для меня какими-то небожителями. А раз речь шла о военном перевороте, я решила, что это именно военные журналисты.

Масла в огонь подлила моя победа в новогоднем карнавале. Костюм «Чилийская хунта» имел безоговорочный успех — черное трико, хвост а-ля черт, черные туфли на высоченных шпильках и настоя-

● **Вера Константиновна Долженкова** в журналистике 43 года. Закончив Томский государственный университет, в разное время руководила газетами «Заветы Ильича», «Наука», «Томский вестник», «МК» в Томске, журналом «Приходный ордер», много публиковалась в центральной прессе.

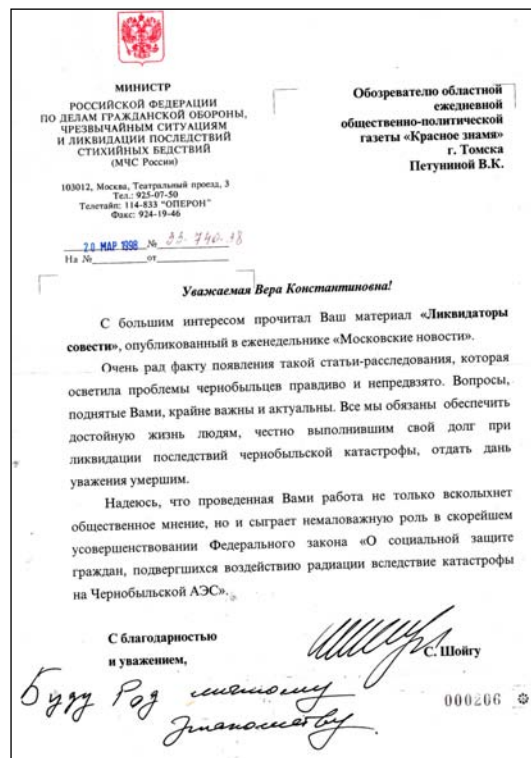
● Имеет большой опыт телевизионной и радио журналистики. Неоднократно работала в зонах военных конфликтов. Соавтор сборника журналистских расследований «Чистые перья» и ряда публицистических книг. Последние 10 лет В.К. Долженкова — главный редактор газеты «Томские новости», лично продолжает активно заниматься журналистикой. Член Общественной палаты Томской области.

● Заслуженный работник культуры РФ, председатель Томского областного отделения Союза журналистов России. Награждена Почетным знаком Союза журналистов России «Честь. Достоинство. Профессионализм». Имеет Благодарности президента России, кавалер золотого почетного знака «Достоиние Сибири». Награждена медалью Следственного комитета РФ «За содействие». Неоднократный победитель Всероссийских и региональных журналистских конкурсов.

щие рога (правда, для употребления спиртного). Ими меня обеспечил зять-армянин, закрепив их на твердой картонке-ободке. Быть мне военным журналистом! И я написала письмо с кучей вопросов в военно-политическое училище, львовское. Не ответили. Написала второй раз. Промолчали. Написала министру обороны Андрею Гречко. Тишина. Я была глубоко возмущена тем, что в единственное высшее военно-политическое училище страны, готовящее военных журналистов, принимают исключительно парней! Разумеется, в деревне благодаря почталыонше быстро узнали о моих планах на жизнь. И как-то вызывает завуч: «В журналисты собралась? А напиши-ка для стенгазеты статью о весеннем школьном бале». Да пожалуйста! Через пару недель мама бежит в школу, размахивая районкой «Ленинский путь». На последней полосе моя заметка из стенгазеты и подпись: «Вера Долженкова, ученица Памятинской средней школы». А в начале следующего месяца перевод пришел — на целых 80 копеек! Стала активно печататься, рассказывать о школьных делах, о передовиках производства. На факультет журналистики Свердловского университета баллов недобрала — иностранного ни в шестом, ни в седьмом классах не было, пару месяцев уроки аптекарша вела, но так, что лучше бы не вела... Год отработала в родном уже «Ленинском пути». А в марте опять в голове что-то щелкнуло — военная журналистика! Это я сейчас понимаю, что страна находилась в предчувствии афганской войны... И всю весну почта опять работала на меня. Я вновь обратилась во львовское училище. Жестко отшили. Написала в Главное политическое управление Советской армии и Военно-морского флота — деликатно отшили. Пожаловалась в журнал «Советский воин» — дружелюбно отшили. В отчаянии написала письмо в приемную министра обороны СССР — казенно ответили. Тогда окончательно рассердилась и написала лично тогдашнему министру обороны Дмитрию Устинову. И он ответил! Суть ответа — в училище девушки не принимаются. Но есть выход — окончить гражданский вуз, выйти замуж за военного, уехать с ним в гарнизон и

стать военным журналистом. И я помчалась в Томск. Поступила в ТГУ на отделение журналистики, окрыленная тем, что в городе два военных вуза — училище связи и военный медицинский институт. Но «кузнечики» и «шприцы» (на городском сленге курсанты томских военных вузов) не заинтересовали, и я с головой ушла в спорт, в общественную работу, в активное сотрудничество с газетами. Страсти по военной журналистике поутихли, но на всю жизнь осталась тяга к темам «в погонах». Деятельность военкоматов, очерки об участниках воен-

ных конфликтов, репортажи с гауптвахты, со всевозможных учений, военно-патриотическая работа, горячие Чечня, Молдавия, Таджикистан, учебный центр Чебаркуль, госпиталь им. Бурденко — за четыре десятка лет работы сотни материалов на военную тематику. И каждый раз — с вновь просыпающимся огромным интересом.

3. Кого из героев материалов Вашего издания вы помните и почему?

— Это интервью стало для меня своего рода всеобщим часом искренности. Попыткой оглянуться, задуматься, ответить еще на десяток возникших вопросов. Сколько было героев? Кто-то из них заставлял рыдать, кто-то доставлял радость, кто-то провоцировал на действия, порой подталкивал к необдуманным решениям.

Но двоих я выделяю особенно. Потому что стали моими истинными друзьями.

Константин Парикожа — летчик, командир корабля «Боинг-777» «Оренбургских авиалиний», выполнявший рейс из Доминиканы в Россию, умудрился посадить загоревшийся в небе лайнер и спас жизнь 375 человек. Костя — томич, поэтому сам Бог велел мне про него написать, хотя мы и не были знакомы. Подняла на уши всех его друзей, школьных товарищей, учителей, преподавателей в летном училище, коллег.

Очерк «Не валяй дурака, Атлантика!» засветился в конкурсе «Патриот России». Познакомились. Оказались родственными душами. Вот должен прилететь, навестить матушку. Договорились на лыжную прогулку.

Еще один герой моей публикации, а вернее героиня, запавшая в душу навсегда — поэтесса Римма Казакова. После интервью мы долго бродили по Томску, который ее «очаровал и ошарашил». Каждый телефонный разговор с ней, каждое ее письмо, каждую встречу помню до мелочей.

Она открыла мне другой мир. Мир, где можно быть самим собой. Говорить правду. Не стесняться слез. Любить без памяти и ненавидеть наотмашь. Мне очень ее не хватает.

А все началось с интервью, первым вопросом которого был вопрос о ее настоящем имени — Рэмо: Революция, Электрификация, Мировой Октябрь. Она ответила: «Родители были затейниками...» (Здесь уместен скан из книги Р.Ф. Казаковой, думаю).

4. Вы считаете себя свободной от самоцензуры?

— Я — отъявленная матерщинница. Но об этом мало кто знает. Потому что использую нецензурные слова — с удовольствием и, как говорят знающие меня люди, элегантно и вкусно, в разговорах примерно с тремя-пятью процентами тех, с кем обща-

юсь. Я — ханжа? Циник? Лицемерка? Нет. Во мне, как и в любом здравомыслящем человеке, живет цензор. Никогда не выйду на улицу с голой попой. Цензор мой даже мысли такой не допустит. Никогда не напишу, что Иванов — коррупционер, только потому, что так считает его сосед Петров. Цензор во мне без железобетонных фактов не позволит этого сделать.

Умничать и доказывать, что Волга впадает в Каспийское море, смысла не имеет. Поэтому приведу лишь сказанное давным-давно Эдмундом Желбуновым (НТВ, «Петербургское бюро»): «Самоцензура не может не существовать в любой сфере человеческих отношений, особенно — во время создания журналистского продукта.

Но тут важно провести четкую грань. «Цензурирует» себя автор во имя идеализации своего продукта, отсекая лишнее, как это делает опытный парикмахер, или же он купирует некоторые идеи, как палач с гильотиной, поскольку слова приобретают форму, негодную шеф-редактору?»

Ни убавить, ни прибавить.

5. Что (или кто) помогает не терять веру в себя и в профессию?

— Когда достигаешь цели, поставленной осознанно, вера в себя и в профессию умножается кратно. В середине 1997 года писала материал об унижениях, с которыми сталкиваются ликвидаторы аварии на Чернобыльской АЭС при оформлении льгот.

И пересеклась с чиновницей томской мэрии, у которой вся семья — она, муж и трое детей — ежегодно получала весь пакет льгот. Бесплатное санаторно-курортное лечение, бесплатные лекарства, шикарные продуктовые наборы. Пятикомнатная квартира и много еще чего.

Ликвидаторы роптали, что по разговорам, по поведению они чувствуют — дамочка к Чернобылю отношения не имеет, хотя все документы подтверждают обратное.

Я тогда работала в тесном содружестве с отделом по борьбе с организованной преступностью МВД, и парни мне очень помогли в расследовании. Более того, тогдашний томский губернатор — Виктор Кресс — обеспечил сопровождение в лице полковника полиции, профинансировав командировку в

Операционная НИИ кардиологии

Мадам Холодная

Молдавию, в Кишинев, где в тот момент практически шла война.

Там якобы когда-то стояла воинская часть, где дамочка служила и откуда была отправлена в Чернобыль. Взрывы на улицах, грохот, а мы в архиве перелопачиваем бумаги. Как оказалась — чиновница

Всем уловам улов

никакого отношения к ликвидации аварии не имела, ее супруг — отдаленно. Опубликовала материал в областной газете. Против чиновницы было возбуждено уголовное дело, она получила реальный срок с конфискацией.

Но я понимала, что жизненные проблемы ликвидаторов аварии масштабнее, глубже, гораздо серьезнее. В то время в стране действовала Гильдия судебных репортеров, создавшая Агентство судебной информации, в котором я активничала.

По приглашению Гильдии и издательского дома «Московские новости» приехала в Москву и получила неограниченные возможности для проведения полноценного расследования при поддержке мэтров российской журналистики.

В итоге в «Московских новостях» вышла статья «Ликвидаторы совести», поднимавшая проблему защиты интересов «чернобыльцев» на совершенно иной уровень. Результатом этой публикации стала существенная корректировка законодательства РФ в отношении ликвидаторов аварии на Чернобыльской АЭС.

Благодарственное письмо от тогдашнего министра МЧС Сергея Шойгу у меня на самом почетном месте. Как постоянное напоминание о силе моей про-

фессии. Но иногда вера в силу, в возможности профессии приходят в результате неосознанных действий, но давших реальные дивиденды.

Я принимала участие в пяти пресс-конференциях президента России и во время одной из них смогла задать вопрос Владимиру Путину. Это было еще тогда, когда подобные мероприятия не режиссировались, журналисты не выглядели карнавальными персонами, привлекая к себе внимание только нарядами и плакатами.

Мой вопрос об отношении президента к парламентской республике и его 20-минутный ответ сделали сибирячку известной персоной далеко за пределами страны. Перед каждыми президентскими выборами в России запись этого «парламентского» вопроса-ответа по понятным причинам нескончаемо крутится в эфире телекомпаний BBC, CNN, Deutsche welle.

А мне звонят с вопросом — изменилось ли, на мой взгляд, отношение Владимира Путина к такой форме правления государством.

6. Если не журналистика, то... или Где Вы еще можете принести пользу?

— Иногда об этом думаю. Бредила медициной. Но видела себя не доктором в кабинете — «дышите — не дышите», а в операционной или процедурном кабинете.

Лет в десять отец впервые взял на охоту (он всегда говорил — ты в жизни должна уметь если не все, то почти все: печи класть научил, роды у свиноматки принимать, траву косить), и я подстрелила белку-летягу.

Эмоции накрыли не по поводу первой добычи, шкурки которой как раз не хватало для новой шапки, а от желания спасти беднягу от мучений. Две недели йодом мазала раны от дроби на перепонке. Не ВЫходила.

А в 13 лет научилась делать уколы внутримышечные и подкожные. Отец серьезно заболел, и фельдшер в декретном отпуске дрессировала меня с помощью подушки. Стеклообразные шприцы, многообразные иглы. С какой гордостью я все это кипятила в металлическом стерилизаторе!

Благодаря военной кафедре ТГУ имею диплом медицинской сестры. Нет недели, чтобы кто-то из со-

седей нашей пятиподъездной десятиэтажки не попросил проколоть. Говорят — рука легкая. А когда мне было уже 40 лет, мой большой друг ректор Сибирского государственного медуниверситета академик Новицкий сказал: «Я открыл медсестринский факультет. Ты же хотела. Давай!» И ведь я задумалась. На один вечер, правда... Став в 27 лет самым молодым в СССР главным редактором областной газеты, пройдя уже солидный путь в журналистике, понимала — без газет, телевидения, радио я ничто. Я же умру...

Помню лето, когда решила стать артисткой. После седьмого класса вдруг заболела театром, в котором никогда в жизни на тот момент не была. Но пластинок в доме всегда хватало. Я выходила на берег нашей речушки и горланила что есть мочи арии из оперетт. Особенно заводила меня Карамболина из «Фиалок Монмартра» Кальмана:

*Понемногу затихает карнавал ночной,
И тускнеет яркий жемчуг фонарей,
Распекает и танцует весь ночной Монмартр,
Всюду море ослепительных огней...*

Местный конюх дядя Сережа, без обеих стоп виртуозно обращающийся с лошадьми и научивший меня уверенно сидеть в седле и управлять телегой, когда однажды мы мыли в реке кобылицу на сносях, вдруг предложил: «Если девочка будет, давай назовем ее Карамболиной, ты про нее так здорово поешь. А кто это?»

Оказывается, весь вокруг знали, а кое-кто и подслушивал-подглядывал за моими театральными изысками... Много лет играю в самодеятельном театре Дома ученых Академгородка ТНЦ СО РАН. Так что «Карамболина» навсегда со мной.

Дипломированный повар третьего разряда, обожаю готовить. С удовольствием кормлю всех и вся. Если делаю салат, то ведро. Если варю свой фирменный борщ — два ведра. При этом на кухне предпочитаю импровизировать. Несколько лет вела кулинарное шоу «Про ЭТО» на известном томском телеканале «ТВ-2».

Так что пользу могу принести много где и при возможности делаю это с огромным удовольствием.

На тушении лесного пожара, угрожающего поселку

На учениях в 201 мотострелковой дивизии, таджико-афганская граница

7. Как вы отдыхаете?

— Обезьяна Чита в «Ноевом колхозе», еврейская мама в «Вокзале для своих», мадам Холодная в «Однажды в...».

Это только часть моих ролей в музыкальных спектаклях Малого академического театра (МАТ) Дома ученых томского Академгородка. Моя отдушина. В труппе три десятка человек и «гражданских» из них (не имеющих отношения к науке) — раз-два и

обчелся. На каждой репетиции, на каждом спектакле в общении с кандидатами наук, завлабами, профессорами я испытываю эйфорию.

Кстати, это общение подкидывает мне много журналистских тем! Как-то во время гастролей в Доме ученых новосибирского Академгородка разговорились с играющим моего супруга-обезьяна кандидатом химико-математических наук Денисом Симоненковым о его научной работе.

Он изучает атмосферные аэрозоли, в том числе совместно с японскими учеными. Изменение климата, состав атмосферного воздуха и все такое. По несколько раз в год томские ученые на самолете-лаборатории кружат то над Новосибирской областью, то над Салехардом, то вообще над Арктикой. Уникальные экспедиции, в которых работают уникальные ученые.

Напросилась. На высоте пять километров встретили летящего по своим делам комара, обнаружили вирус сезонного заболевания! И самолет-лаборатория тоже уникальный. Это тот самый борт, в котором 25 октября 2003 года был арестован в Новосибирске Михаил Ходорковский: салон из белой кожи, комфорт высшего порядка.

Правда, когда этот Ту-134 у нефтяного магната был экспроприирован и передан ученым, то борт сильно видоизменили, подчинив интересам науки: прозрачный пол, дополнительные люки для забора проб из атмосферы и много еще чего для проведения научных экспериментов.

В этом сезоне у нас премьера спектакля «Цирк, да и не только!» Играю Соньку Золотую Ручку. Это революционная фантазия с песнями и плясками, слегка основанная на реальных томских событиях.

С удивлением узнала, что 100 лет назад в Томске блистал цирк г-на Стрепетова, но сторел. Больше в Томске стационарного цирка никогда не было.

А еще, улыбаясь и млея, душа моя бесконтрольно летает на рыбалке. Без разницы, какое на дворе время года. Рядом нужны только люди с твоей группой крови и экстрима побольше.

Запросто променяю три счастливых дня на любимых Лихачах (озера в тайге Молчановского района) на шесть дней и семь ночей в Эмиратах. Честное слово!

Ну и без лыж я никуда. Лыжный гонщик он и в Африке лыжи найдет.

8. Какие хулиганские поступки Вы совершали в детстве или юности?

— Вся моя жизнь, особенно юные годы — это сплошное хулиганство. «Пела на уроке географии неприличные частушки»... «Разбила окно в столовой чужим портфелем»... «Подговорила одноклассников принести в класс кошек»... «Разбила заштукатуренной рукой губу Сереже Анкину». Это записи из моих бесценных школьных дневников. Сохранила все до одного.

В пятом классе мы никак не могли выбрать военную песню для конкурса. Как-то на физкультуре играли в баскетбол, а в углу стоял огромный деревянный шест для лазанья. На конце — внушительная железка, чтобы шест цеплять за крюк на потолке. Кто-то из «метких стрелков» попал мячом в этот шест и тяжеленная бандура медленно полетела вниз.

Так получилось, что на меня. Железка прошла по касательной, содрал с моей буйной головушки большой шмат кожи. И вот стою уже на перемене с забинтованной окровавленной головой, вокруг притихшие школьники, учителя, и как заору на всю Ивановскую: «Голова обвязана, кровь на рукаве, след широкий стелется по сырой земле!»

Моя выходка определила выбор песни на конкурсе. Я, конечно же, была в инсценировке красным командиром — Щорсом. Из-за нескольких оболтусов, перепутавших куплеты, заняли обидное второе место. Но как живописен и правдоподобен был наш красноармейский отряд, который «шел по берегу, шел издавека...».

А в седьмом классе наловила в болоте полную литровую банку головастиков. Принесла в школу и втихушку поселила будущих лягушек в резиновом сапоге новенькой, за которой все мальчишки начали бегать. Ох и орала она, переобуваясь после уроков! И никто до сих пор не знает, откуда эти головастики взялись...

Хулиганство (неосознанное) — моя тень по жизни уже седьмой десяток лет. До сих пор часто слышу в свой адрес: «Хулиганье!» Принимала участие в написании книги к юбилею компании «Газпром трансгаз Томск».

Ее тогдашний генеральный директор Виталий Маркелов, а сегодня правая рука Алексея Миллера в

«Газпроме», взял с собой на инспекцию строительства газопровода «Сила Сибири» и других газовых ниток.

Это была неделя открытий! Побывав в 14 странах мира, я жадно познавала Дальний Восток: Благовещенск, Комсомольск-на-Амуре, Южно-Сахалинск, Владивосток. В городах только ночевали. А вдоль газопровода шли на машинах по Сахалину, по Камчатке...

Медведи, пожирающие лосося, гейзеры, дымящиеся вулканы...

Примерно в 100 км от одного из городов остановились возле очередного кранового узла. Это на магистральном газопроводе обнесенная забором с калиткой под замком площадка с большим количеством железяк, которые управляют потоками газа. Виталий Анатольевич газовик до мозга костей, и личный контроль за всеми объектами у него в крови. А начальник узла впопыхах ключи от замка забыл. Делегация в два десятка человек робко топчется рядом. Маркелов, смотрю, еле сдерживает гнев... Говорю стоящему рядом газовику:

— Дайте шпильку или проволочку пожестче, замок то немудреный.

Маркелов услышал и как засмеется:

— Думал, ты журналистка, главный редактор. А ты — медвежатница и хулиганье...

У местных потом до конца командировки в героях ходила — скандальную ситуацию типа сгладила.

А я реально замок бы открыла...

9. Ваше самое яркое воспоминание?

— Воспоминаний столько, что иногда задумываюсь — как за 40 лет возможно было стать вольной или невольной участницей такого количества совершенно разных, порой судьбоносных для страны событий? Легко! Правильно сделала, что послушала министра обороны СССР и получила диплом журналиста. Командировка в Комсомольский леспромхоз — а там тайга полыхает, и огонь вот-вот перекинется на поселок. Шашлык из дикобраза на одной из застав на таджикско-афганской границе и искренняя радость служивших там томичей от подарков из дома — черного хлеба, селедки и теплых свитеров. Ночное небо Байконура (остановились на дозаправку), которое, казалось, вот-вот рухнет на наш само-

Соревнования томского Союза журналистов по стрельбе и метанию топоров

лет, летящий по маршруту Новосибирск — Душанбе в 201-ю мотострелковую дивизию.

Участие в задержании организаторов большой сети мужских публичных домов в качестве «подсадной утки».

Запуск газопровода Сахалин — Хабаровск — Владивосток на острове Русском. Посещение захоронений ядерных отходов в Сербии, Германии, Корее.

Участие в работе делегации членов Верховного и Конституционного судов в Бостоне (США).

Автопробег в честь 70-летия Великой Победы по местам сражений сформированных в Томске дивизий — почти 12 000 километров на одном дыхании и алые гвоздики в речушке на Смоленщине. Дыхание от эмоций и воспоминаний сбивается...

Чего только стоит репортаж, который пишу именно сейчас — из операционной НИИ кардиологии! У дядечки дырка в груди, медики там копошатся, а он (до чего медицина дошла!) ведет со мной светские беседы о недавно прошедшем в Томске мастер-классе дирижеров и кокетничать пытается...

И все же самое яркое воспоминание — моя работа над телесюжетом о приговоренных к смертной каз-

ни. 1997 год, март. В томском УФСИН исполнения приговора ждут трое. Один из них — фельдшер, хладнокровно разделавшийся со своими родителями, женой и тремя детьми. Признан вменяемым. Другой — жестокий извращенец-насилник... Начальник УФСИН упорно отговаривал — не надо тебе с ними общаться, потом долго «болеть» будешь. Но я хотела понять, попытаться понять чувства этих нелюдей. Многочасовые беседы с ними произвели на меня такое впечатление, что каждое их слово, каждое откровение, каждый взгляд помню до сих пор.

Раскалялись. Жить хотят. Искупить. Помню слова православного батюшки, у которого брала комментарий: «Смертная казнь их души не спасет, не исправит. Спаси и исправить может только жизнь с мучительными думами о содеянном».

А уже через месяц — в апреле — государство будто услышало батюшку — смертная казнь в России была отменена и героев моего сюжета отправили на пожизненное. Одного на остров Огненный, двоих — в «Чёрный беркут»...

Или как забыть историю со свиньями под облаками? Лечу на вертолете на вахту «Алёнка», что на границе Томской области и Красноярского края. Написать материал реально только на перевахтовке, в течение месяца туда не попасть. Первым рейсом я туда, пока вертолет снует по маршруту пос. Комсомольский — вахта «Алёнка» — пос. Комсомольский, вывозя отработавшие бригады и завозя свежую силу, последним я на большую землю.

Должна оперативно ударно потрудиться. Среди пассажиров первого рейса кроме меня — фельдшер, повар с помощником, десяток не прекращающих курить кур в больших клетках и две взволнованные огромные свиньи, за задние ноги привязанные к боковым сиденьям.

Повар мне объяснила — холодильников в тайге нет, вот мясо в живом виде само и летит. Одна хрюшка закончится, вторую приговорим. Как раз на месяц жить в сытости хватает.

Где-то в середине полета свиней начало реально мутить, им стало плохо. Завтрак, ими съеденный, растекался по полу. К ним присоединились все пассажиры. Даже я, с крепчайшим вестибулярным аппаратом, дрогнула. Только летчики и куры стойко продержались до конца полета. Час после приземле-

ния приходила в себя. Материал получился классным. Как такое забудешь?!

10. Ваши любимые книга, фильм, песня, блюдо, напиток?

— Этот вопрос меня всегда ставит в тупик. Сразу царя Соломона вспоминаю: «Все пройдет. И это тоже пройдет». Сегодня у меня одно настроение, напоминающее ажитацию, завтра — совершенно иное, как у зомби. При таком раскладе сложно говорить о постоянной любви к чему-то одному. Неделю, зачитываясь, могу не выпускать из рук обожаемого Виктора Конечного. 10 лет не брать в руки Пушкина, а потом утонуть в нем на месяц.

Так и с фильмами. «Ликвидацию» Сергея Урсуляка многожды смотрела с замиранием сердца. Но тут как отрезало... А вот «Легенду 17» о великом томиче Белове с любимыми Олегом Меньшиковым и Светланой Ивановой осилить не могла. Неприятие, замок. И вдруг — это же инструкция «Как полюбить жизнь»!

В гастрономии все более-менее устойчиво: терпеть не могу шоколад и все, что с ним связано. Обожаю мармелад и молоко.

Моя долма из маринованных листьев малины вместо виноградных — особый изыск и объединение. А еще вареники, в которых начинка из мелко-мелко на рубленного сырого картофеля и мелких же кусочков соленого сала. Приправить их в готовом виде обязательно следует поджаренным лучком с перцем.

Алкогольные напитки — исключительно по настроению. Все зависит от компании и закуски. Под пельмени или строганину выберу ледяную водку. На рыбалке исключительно заходит самогон. Под мясо — всем гурманам назло — белое сухое вино. Отдельная история — музыка. Томск избалован маэстро Мацуевым, маэстро Гергиевым, известнейшими рок, поп, джазовыми исполнителями... Друзья из филармонии всегда посадочным местом обеспечат. Активно и с огромным удовольствием этим пользуюсь. А вот песня у меня на все времена одна. Моя «...в горе и радости, в богатстве и бедности, в болезни и здравии...» — «Я остаюсь, чтобы жить» («Крупский сотоварищи»).

Послушайте. И оставайтесь как можно дольше...

